

Лэ Уя еще не ведал, что его скромная персона вновь привлекла к себе чужое пристальное внимание.

Пятьдесят лянов серебра отыскились в доме Лю Дэбэня с поразительной быстротой.

Сам Лю Дэбэнь без умолку твердил, будто эти монеты — законное наследство, оставленное покойным дядей.

Вот только когда у него в упор спросили, как звали этого безвестного двоюродного родственника, какова его фамилия и в каких именно краях находилась его лачуга, проныра не сумел вымолвить ни единого слова, хотя его лживый язык по-прежнему оставался тверже железа.

Однако стоило управляющему и приказчику ссудной конторы «Хуэйтун» вместе подняться на судейский помост, как Лю Дэбэнь окончательно опешил.

На каждом изъятом слитке красовалось клеймо с порядковым номером, которое до последней черты совпадало с приходными записями в книгах «Хуэйтун», так что отпираться было бессмысленно.

Лэ Уя смерил взглядом покрывшегося холодным потом Лю Дэбэня и с улыбкой промолвил:

— Стало быть, счетовод Чэнь Фу-эр и есть тот самый твой покойный двоюродный дядя? Надо же, какая у вас, оказывается, благородная и щедрая родня.

Лю Дэбэнь бессильной жижей рухнул на каменный пол.

Он не имел ни единого шанса внятно растолковать суду, за какие такие красивые глаза контора рудника «Сяофу» отвалила ему целых пятьдесят лянов. Опасаясь за собственную голову, он предпочел больше ничего не утаивать и выложил все следствию до последней капли.

Молодой ученый Мин Сянчжао в тот злополучный день действительно изрядно перебрал хмельного в трактире, однако пил он чинно и благородно, едва захмелев, просто приклонил голову к столу и мирно уснул.

Что же до всех тех крамольных и бунтарских речей, о которых заявлялось ранее, — все это от первого до последнего иероглифа оказалось чистым враньем Лю Дэбэня.

К тому же именно он, улучив момент, когда Мин Сянчжао вместе с матерью ушли на поденные работы, тайно проник в их пустующий дом и саморучно засунул тот злосчастный, нарушающий все законы Поднебесной свиток с крамолой в самый дальний угол дряхлого книжного шкафа.

Оказавшись прижатым к стене, проныра до последнего пытался вывернуться:

— Судья! Ваш слуга ведь неграмотный, я в глаза не видел, что в том свитке бунт прописан! Да и все те мятежные речи, о которых я доносил, мне лично, слово за словом, в голову вдалбливал сам счетовод Чэнь Фу-эр! Я истинно ведать не ведал, какой страшный смысл кроется в этих фразах!

Заприметив, что Лю Дэбэнь перетянул на себя все внимание суда, Гэ Эр-цзы не на шутку испугался, как бы начальник ненароком не позабыл о его собственных «слезных обидах». Он принялся бесцеремонно вклиниваться в допрос, то и дело громко поддакивая и вставляя свои пять копеек ради сокрушительного доказательства того, насколько сильно верхушка рудника «Сяофу» погрязла в грехах и лишилась остатков совести.

Хозяева рудника совершили колоссальную ошибку, понадеявшись с помощью звонкой монеты купить верность и преданность двоих закоренелых уличных жуликов.

Подобный сброд превыше всего на свете владел искусством выворачивать любую правду наизнанку ради собственной выгоды. И раз уж они без зазрения совести умудрились оклеветать и подвести под плаху безвинного ученого Мина, с какой стати им было брезговать возможностью развернуться на каблуках да мертвой хваткой вцепиться зубами в горло собственных прежних благодетелей?

Под конец Лэ Уя окончательно потерял всякий интерес к их воплям. Заложив руки в рукава, он всецело сосредоточился на дотошном изучении образцов земли, которые из своей вылазки доставили Хэ Цинсун и его стражники.

В принесенном грунте обнаружилась обильная примесь мелкой, невесомой угольной пыли, которую разносило ветром по всей округе. Эта тонкая черная взвесь до мельчайших крупиц походила на ту гарь, что Лэ Уя смыл кистью с шелкового свертка с серебром, изъятого в доме коронера Шана.

Лэ Уя методично, один за другим, исследовал более десятка пакетов с образцами и приметил, что в трех или четырех свертках земля была густо перемешана с крупным угольным шлаком, да и сам характер грунта разительно отличался от остальных: в одних мешочках почва была чересчур влажной, в других — напротив, излишне сухой и рассыпчатой.

Еще в тот миг, когда стражники только выкладывали перед ним эти свертки, Лэ Уя успел досконально запечатлеть в памяти лицо каждого из них.

Он мысленно сделал зарубку: перед тем как окончательно покинуть это тело и уйти в небытие, нужно будет строго-настрого наказать Вэньжэнь Юэ разогнать этих парней взащей. Держать на службе подобных олухов было нельзя: они либо привыкли годами, спустя рукава, исполнять свои прямые обязанности, либо были попросту скудны умом.

В уезде разворачивалось такое грандиозное побоище, а эти глупцы до сих пор так и не сообразили, что руднику «Сяофу» пришел окончательный и бесповоротный конец. Раз уж они оказались настолько глупыми и никчемными бездарями, правильнее всего было как можно скорее выставить их за ворота управы.

Лэ Уя бережно запечатал образцы грунта и вновь опустил взор на помост.

Как ни крути, а комедия на суде требовала немалых телесных сил.

К этой минуте и Гэ Эр-цзы, и Лю Дэбэнь окончательно выбились из сил и опустошили весь свой скудный арсенал уловок. Разыгрывать спектакль им было больше нечем, слюна во рту высохла, голоса начисто осипли, и как бы они ни тужились, выдавить из себя хотя бы одну свежую слезу были уже не в состоянии.

— Излили душу? — ровным тоном изрек Лэ Уя. — Раз речи кончились, увести обоих под замок. У Вашего судьи от вашего визга уже в ушах звенит.

Стоило конвою препроводить двоих окончательно онемевших жуликов прочь из зала, как Лэ Уя вновь подобрался и с размаху обрушил цзинтанму на судейский стол:

— Доставить пред очи суда Шан Цзюньцай!

Когда искалеченного коронера вновь внесли на носилках на помост, сознание полностью вернулось к нему. Прекрасно понимая, что его игра проиграна под корень, мужчина лишь безучастно застыл, смирившись со своей долей.

— Шан Цзюньцай, ты умышленно и цинично злоупотребил своим служебным положением, ослеп от алчности и пошел против закона. Соблазнившись тридцатью лянками серебра, ты без зазрения совести сфальсифицировал официальные следственные свитки, дабы объявить безвременно ушедшего Чан Сяоху жертвой несчастного случая на воде. Суд выносит вердикт: незамедлительно взять подсудимого под стражу и заключить в темницу. Провести дотошную ревизию всех уголовных дел, к которым Шан Цзюньцай приложил руку за долгие годы службы. Ежели в архивах обнаружатся следы подобных гнусных подлогов и злоупотреблений, мера наказания будет соразмерно утяжелена. Все имущество, нажитое преступным путем и полученное в качестве взяток, подлежит конфискации в пользу казны. Скромную часть оставить его престарелой матери и супруге ради пропитания.

Лэ Уя ненадолго умолк, после чего веско добавил:

— Ты верой и правдой нес службу в этих стенах немало лет, а потому Ваш судья велит лекарю до конца выходить твою раздробленную ногу. И когда наступит день, и ты покинешь тюремные застенки, будь то ради отправки в ссылку, каторги в регулярных войсках или восхождения на плаху, изволь встретить свою долю стоя на обеих ногах, а не лежать на носилках, позоря судейское ведомство.

Услышав, что уездный начальник проявил редкое великодушие и согласился оставить его старой матери и жене средства к существованию, угасающий взор Шан Цзюньцая вновь обрел прежнюю ясность.

Молча выслушав свой окончательный приговор, он больше не проронил ни единого крика, а лишь со всеми предосторожностями отвесил Лэ Уя глубокий земной поклон.

Стоило стражникам препроводить бывшего коронера в кандалах в застенки, как черед дошел до тетушки Су.

— Вдова Су, к настоящему моменту сей суд досконально прояснил все обстоятельства дела, и ныне мне ведомо, что твой единственный сын Чан Сяоху...

Лэ Уя тщательно взвесил каждое слово в уме, решив не озвучивать перед залом тот страшный факт, что Чан Сяоху был забит до смерти.

— ...На самом деле он принял лютую смерть от рук хозяев рудника «Сяофу». Судебный коронер Шан Цзюньцай сфабриковал архивные свитки, из-за чего тебя умышленно ввели в заблуждение, и ты забрала свое исковое заявление. Ваш судья приказал раскопать могилу Чан Сяоху и ныне досконально прояснил подлинную причину его кончины. В двадцать пятой статье главы «Уголовное судопроизводство» Свода законов Великой Ю четко прописано, что одно и то же дело не подлежит повторному разбирательству. Однако Ваш судья клятвенно обещает: я непременно верну честное имя тебе и твоему сыну Чан Сяоху, а справедливость восторжествует. Те тридцать лянов серебра, что бывший коронер Шан нажил преступным путем, отныне полностью переходят в твое распоряжение ради обеспечения твоей дальнейшей жизни. За то, что слуги управы потревожили покой родового кладбища твоего сына, уезд выплатит тебе пять лянов серебра, а за счет казны для Чан Сяоху будет устроена пышная и торжественная поминальная служба фан-ши. Вдова Су, согласна ли ты с таким вердиктом этого суда?

Услышав эти речи, доселе безмолвно сидевший с опущенной головой Вэньжэнь Юэ едва заметно повел бровями, из последних сил сдерживая порыв вскинуть лик на судейский помост.

Слезы тетушки Су хлынули из глаз сплошным бурным потоком. Опираясь на руки поддерживавших ее с двух сторон сестры Ли и сестры Мо, она в глубоком трепете преклонила колени перед столом. Ее голос был едва различим, однако в нем звучала пронзительная, разрывающая сердце благодарность:

— Судья, вы наш чистый праведник, великий спаситель... В следующей жизни ваша раба готова стать для вас верным волком или лошадью, дабы отплатить за эту великую милость...

— Уж лучше оставайся человеком, — с мягкой улыбкой пошутил Лэ Уя. — Будь я сам на месте Чан Сяоху, я бы в следующем перерождении тоже пожелал, чтобы именно ты вновь стала моей матерью.

Эти простые слова утешения тронули душу несчастной вдовы куда сильнее, чем все предыдущие судебские вердикты и выплаты.

Она вскинула заплаканное лицо и с замиранием сердца робко переспросила:

— Господин судья, вы... Вы это истинно говорите?

Лэ Уя мгновенно вернул лицу строгое и степенное выражение. В этот миг в его мыслях словно всплыли образы каких-то бесконечно далеких людей и событий ушедших лет.

Лишь спустя долгую паузу он с величайшей торжественностью произнес:

— Истинно так.

Семейство кузнеца, плотника и сама тетушка Су в один голос нижайше поблагодарили уездного начальника и, непрестанно утирая слезы, чинно покинули зал заседаний.

Лэ Уя скомандовал страже:

— Заключение Гэ Эр-цзы и Лю Дэбэня под стражу в темницу. Будете держать их там до тех пор, пока все вещественные улики и свидетельские показания не будут окончательно сведены воедино, после чего вынесем им окончательный приговор.

У него больше не было ни малейшего желания тратить драгоценное время и выслушивать причитания этой парочки уличных шутов.

Разделавшись с мелкими сошками, уездный судья перешел к главному блюду этой ночи.

Управляющих рудника «Сяофу», которых до этого содержали в строгой изоляции друг от друга, цепочкой вывели в зал заседаний и выстроили в один ровный ряд перед судебским столом.

К этой минуте заговорщики до сих пор понятия не имели, какая грозная буря над ними разразилась.

В их понимании все выглядело довольно безобидно: пускай этот пришлый барин и вздумал заново раскопать старое дело Чан Сяоху, пускай даже швырнул за решетку коронера Шана, однако к ним самим он на протяжении всей ночи выказывал лишь редкое благодушие и вежливость, не задав ни одного по-настоящему опасного вопроса.

Даже если следствие со временем докопается до истины и выяснит, что мальчишка пытался бежать и был забит надсмотрщиками насмерть, что с того?

В их подчинении находились сотни бесправных душ. Достаточно было просто выудить из толпы любого неграмотного бедолагу, взять в заложники его семью, опоить несчастного немym зельем и выставить перед судом в качестве козла отпущения ради закрытия дела.

Каким бы суровым ни оказался судейский гнев, одна оборванная жизнь ничтожного раба ни при каких обстоятельствах не могла пошатнуть их собственное сытое и безбедное существование.

Заприметив, что арестанты стоят перед помостом вальяжно и расслабленно, а один из них и вовсе с унылым видом лениво зевнул во весь рот, Лэ Уя лучезарно улыбнулся.

Его тон по-прежнему оставался невероятно мягким и дружелюбным:

— Прошу простить Вашего судью за то, что заставил почтенных господ томиться в этом зале до столь позднего часа. Время близится к рассвету, а поскольку в ведении моей управы как раз имеется несколько превосходных уединенных камор, я покорно прошу вас сделать одолжение и погостить в моих чертогах несколько дней.

Стоило Лэ Уя подать тайный знак глазами, как в зал заседаний цепочкой ворвались дежурные стражники. Служители закона сурово сжимали в руках тяжелые шейные колодки и в мгновение ока мертвой хваткой заковали в них абсолютно всю верхушку рудника «Сяофу».

Поскольку до этой секунды уездный начальник обходился с ними со всем почтением, а под замком они сидели в полной изоляции, эти изнеженные господа не ведали ни о спасенных из забоя шахтерах, ни о ночном визите купца Ли Асы, ни уж тем более о полном покаянии лжесвидетеля Лю Дэбэня. Этот сокрушительный удар обрушился на их головы подобно грому среди ясного неба, застав врасплох.

Заговорщики до последнего не подозревали, что Лэ Уя уже полностью перевернул доску и выгреб всю их подноготную до самого дна.

Лишь когда тяжелое железо и дерево намертво сдавили их шеи, к ним наконец вернулась былая способность соображать, и арестанты принялись отчаянно извиваться в путах.

Один из управляющих, задыхаясь от ярости и дикого испуга, истошно завопил:

— Судья! Что все это значит?! На каком основании ваша милость творит это бесчинство?!

Лэ Уя лениво бросил:

— Отправляйтесь в камеру и поразмыслите над этим на досуге наедине с собой.

Осознав, в какую смертельную ловушку они угодили, яростнее всех принялся сопротивляться счетовод Чэнь Фу-эр.

Его тело оказалось на редкость гибким и ловким: мощным рывком он умудрился вырваться из рук конвойных и устремил на Лэ Уя полный бешеного гнева взор:

— Судья! Ваши подчиненные не имеют права! Мы категорически не согласны с таким решением!

Лэ Уя смерил его холодным взглядом:

— И с чем же именно ты не согласен?

От его былой маски молчаливого истукана, из которого прежде и тремя ударами палок нельзя было выбить ни единого звука, не осталось и следа. Чэнь Фу-эр яростно выкрикнул:

— Вы без единого допроса и законного обвинения велите заковать нас в кандалы, где это видано?! Даже если в ваши уши излила грязь какая-то подлая тварь, вы обязаны были сперва выслушать наши законные оправдания, прежде чем выносить вердикт!

— Все, о чем следовало выпросить, Ваш судья уже выяснил до конца. А все необходимые вещественные улики уже находятся в моих руках и в надлежащее время лягут на стол. Мне нет ни малейшего дела до ваших лживых признаний, благородный муж не станет тратить время на то, чтобы выслушивать лай грязного шакала, — Лэ Уя остался абсолютно безучастен к его крикам и леденящим тоном обронил: — Готовьтесь к смерти, господа.

Писчая кисть Лэ Уя стремительно, точно парящий дракон, заскользила по бумаге. В одно мгновение уездный начальник размашистым росчерком скрепил официальный судебский приказ:

— Указ этого суда: незамедлительно учинить тотальный обыск и конфискацию всего имущества на угольном руднике «Сяофу». Абсолютно всех причастных к делам конторы лиц немедленно заключить под стражу и препроводить в темницу управы под строжайший караул.

Уездный начальник не мог до конца поручиться, что среди запуганных шахтеров не затесались шпионы, глаза или верные цепные псы этих самых управляющих. А потому он рассудил, что куда безопаснее будет сгрести под арест абсолютно всех, так рабочие, по крайней мере, окажутся под защитой властей и под надежным судебским надзором.

— Как только личности всех до единого шахтеров будут досконально установлены, а их имена и места рождения занесены в уездные книги и тщательно проверены по записям в родных провинциях, им будет дозволено вернуться к своим очагам. Коли кто пожелает покинуть эти края — воля ваша, а кто захочет остаться в Наньтине ради честного заработка — милости

прошу, суд препятствовать не станет.

Стоило стражникам увести ошалелых, зрящих свой скорый конец господ в их новые «уединенные покои», как в пустом зале заседаний остался лишь один коленопреклоненный человек.

Лэ Уя ровным тоном изрек:

— Мин Сянчжао.

Скрывавшийся в чужом теле Вэньжэнь Юэ свято хранил данное наставнику обещание помалкивать. Он не проронил ни единого звука, а лишь со всеми предосторожностями склонился перед столом в самом глубоком земном поклоне.

От сильного душевного потрясения его плечи судорожно и неудержимо подрагивали.

Лэ Уя заговорил бодрым и легким тоном:

— Ученый Мин Сянчжао обвинялся властями в государственной измене и хранении крамольных свитков. Ныне главный свидетель обвинения Лю Дэбэнь самолично покался перед этим судом, признав, что действовал по указке заговорщиков и сознательно оклеветал безвинного мужа. Никаких иных сторонних свидетельств или улик, подтверждающих мятежные речи Мин Сянчжао, следствием не обнаружено. Что же касается крамольной книги, то Лю Дэбэнь тайно проник в чужое жилище и умышленно подбросил ее в шкаф ради сокрытия истины...

— Мин Сянчжао, пускай это расследование еще не доведено до конца, однако твоя душа отныне может быть полностью спокойна. Забирай свою престарелую матушку и с миром возвращайся к родному очагу.

Вымолвив эту не слишком подобающую судейскому протоколу, но спасительную финальную фразу, Лэ Уя сокрушительно опустил цзинтанму на стол:

— Заседание окончено! Суд удаляется!

— Хвала судье!!!

С той самой секунды, как наружу поползла вся гнилая подноготная рудника «Сяофу», собравшиеся у ворот обыватели стояли буквально затаив дыхание от величайшего потрясения.

Все последующие допросы и очные ставки, разыгранные уездным начальником как по нотам, горожане выслушали на одном дыхании, словно пришли на представление к искусному

уличному сказителю-рапсоду.

И едва судейский брусок опустился на стол, объявляя о завершении этой великой пьесы, толпа взорвалась ликованием.

Простые люди не знали пышных и витиеватых придворных фраз, дабы воспеть мудрость судьи.

А потому они лишь истошно кричали на весь уезд:

— Хвала судье!!!

Стражники аккуратно сняли с Вэньжэнь Юэ тяжелые кандалы и вежливо сопроводили его вглубь тюремных коридоров, дабы парень мог забрать из камеры измученную мать Мин Сянчжао.

Добравшись до ворот ямыня, юноша на мгновение замер. Он обернулся назад и с величайшей сосредоточенностью, долгим взором посмотрел на восседающего на помосте Лэ Уя.

Горожане тем временем мелкими группами нехотя разбредались по улочкам, держа путь к своим домам. Каждый из них уже вовсю прикидывал в уме, какими именно сочными красками и деталями завтра поутру следует приукрасить свой рассказ перед соседями, дабы те до зеленой зависти искусили себе локти из-за того, что пропустили столь грандиозное ночное судилище.

Когда толпа зевак изрядно поредела, Лэ Уя наконец обратил внимание, что за стенами управы из чернильных небес беззвучно повалил густой снег.

Буря разыгралась не шуточная, и за считанные минуты пушистый белый ковер укрыл старинный тракт до самого горизонта.

Все выглядело в точности так же, как и в тот страшный день, когда Лэ Уя оборвал свой земной путь. В лицо ему плеснуло резким, свежим и чистым ароматом мокрой снежной крупы, который до самых глубин пронзал грудную клетку.

В ту предсмертную секунду от человека, который пробрался в его сырую камеру ради последнего свидания, веяло точно таким же пронзительным зимним холодком.

Заприметив, что уездный начальник застыл на судейском стуле подобно каменному изваянию и не делает ни единого движения, заместитель Сунь Жу судорожно сглотнул вязкую, горькую слюну:

— Судья... Какие будут дальнейшие распоряжения?..

Лэ Уя безжалостно оборвал его на полуслове:

— Принеси мне масляный светильник.

Заместитель Сунь Жу на мгновение опешил, однако в следующую секунду до его разума дошел скрытый смысл этой просьбы. Сердце чиновника затопила дикая, ликующая радость. Он со всем подобострастием бросился к столу и саморучно преподнес начальнику зажженную лампаду.

Лэ Уя уверенным движением снял стеклянный колпак, выудил за пазухи плотный свиток и безжалостно опустил его в языки пламени. Он собственноручно предал огню ту самую фальшивую записку, которую сам же состряпал накануне — ложное признание, в котором Мин Сянчжао якобы уличил старого наставника Ло в «хранении крамольных книг».

Сунь Жу с хрипом выдохнул скопившийся в легких воздух. Его душа, которая половину ночи неприкаянно болталась где-то в районе пяток, наконец-то вернулась на свое законное место.

Впрочем, былого облегчения этот маневр ему не принес.

Ибо старый лис прекрасно понимал: мир вокруг них изменился безвозвратно, и вернуть прежние сытые деньки уже не удастся ни при каких обстоятельствах.

Над уездом Наньтинь сгущались тучи, и ветер перемен готов был сдуть всю местную канцелярию.

Пускай действия начальника сейчас и напоминали попытку запереть загон после того, как волки уже угнали овец, заместитель Сунь Жу все же напустил на себя самый благочестивый и покорный вид:

— Судья, время позднее, не угодно ли вам отправиться в покои ради отдыха?

Лэ Уя медленно закрыл глаза:

— Можете быть свободны, ступайте. Я побуду здесь в одиночестве еще некоторое время.

Следом он лениво добавил:

— И погасите в зале огни.

Сунь Жу: ...?

Сунь Жу посчитал эту просьбу несколько странной, однако в этот час он не посмел бы выказать неповиновение ни единому судебскому приказу.

По его воле судебный секретарь, стражники и прочие служители ямыня поспешно покинули помещение, их шаги быстро затихли вдали.

Хэ Цинсун и его товарищи замешкались на пороге, порываясь что-то сказать, но в конце концов прикусили языки и ушли молча.

Раз уж уездный начальник ради следствия умудрился призвать на помощь самую столичную гвардию Цзиньувэй, им, мелкой сошке, лучше держать рот на замке и не лезть с глупыми расспросами.

В мгновение ока Лэ Уя остался в полном одиночестве посреди опустевшего, погрузившегося во мрак зала заседаний.

Он подпер голову ладонью и устало подумал: «Тяжелая вышла ночка».

Но, черт побери, до чего же это было упоительно!

Он уже очень давно не испытывал подобного безудержного, дикого восторга от возможности действовать по собственной воле, не оглядываясь на чужие запреты.

Впрочем, баловать себя долгим отдыхом Лэ Уя не стал.

Мужчина поднялся со стула и неторопливым шагом направился к выходу из управы.

Там, посреди заснеженного двора, под сенью роскошного и дорогого зонта-навеса застыли несколько силуэтов, те немногие, кто не спешил покидать ямынь.

Лэ Уя медленно шагнул из темноты зала во двор. Убедившись, что вокруг нет лишних глаз, он не стал дожидаться, пока высокопоставленные путники соизволят назвать свои имена, а размашистым движением расправил полы халата и благородно преклонил колени прямо в сугроб.

— Ваш покорный слуга, уездный судья Вэньжэнь Юэ, бьет челом пред Вашим величием и молит простить, что не встретил как подобает.

Седьмой принц принялся с дотошным любопытством разглядывать распростертого перед ним мелкого чиновника. В его душе вновь проснулось капризное желание поддразнить бедолагу, а потому он изящным движением руки приподнял вуаль шляпы, дабы получше рассмотреть его лик:

— Подними голову.

Лэ Уя беспрекословно подчинился приказу и вскинул лицо кверху.

И в ту же секунду в поле его зрения сокрушительным ударом ворвались два абсолютно одинаковых, изучающих его лица.

Лэ Уя не сдержался, и его зрачки судорожно сжались от дикого потрясения.

Да как это вообще возможно?! Откуда здесь взялась эта парочка?!

В своей прошлой жизни, будучи прославленным полководцем, он лично обучал этих двоих верховой езде и стрельбе из лука.

В империи свято чтили каноны благопристойности, и Лэ Уя при встречах с венценосными учениками никогда не был обязан отвечать им глубокие земные поклоны по всей строгости этикета.

...Этот его нынешний поклон в сугроб... они ведь от такого кощунства половину своей земной жизни растеряют!

<http://bllate.org/book/18193/2040549>